

ЛОВЦЫ ЧЕРНЫХ ДУШ

ГЕОРГИЙ
ПЕРСИКОВ

ДЕЛО
ГЛАЗНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Оформление — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Персиков, Георгий.
П27 Дело глазника : [роман] / Георгий Персиков. —
Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Ловцы
черных душ. Ретро-триллер).

ISBN 978-5-17-149940-2

Провинциальный город Энск сотрясает череда убийств, пугающих своей жестокостью. Установлено, что убийца — одиночка, явно маньяк, отличающийся изощренным садизмом. Его убийства превращаются в жуткий ритуал, и неизвестно, сколько еще людей он должен погубить, чтобы утолить жажду крови.

Местная полиция сбилась с ног в поисках преступника, ведь он хитер и неуловим, а его действия непредсказуемы и лишены видимой логики. Но и медлить нельзя. Для помощи в расследовании из Петербурга прибывает старший агент сыскной полиции Роман Муромцев, имеющий опыт расследования серийных убийств.

Между сыщиком и преступником начинается жесткая игра, победитель в которой до конца неизвестен.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149940-2

© Г. Персиков, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Черный ноябрьский ветер, завывая, проносился по улицам, с разбойничьим по-свистом нырял под крыши домов, ледяными пальцами забирался за пазуху к случайным прохожим, норовя украсть последние крохи драгоценного тепла, унесенные из жарко протопленного трактира.

Ближе к ночи к ветру добавился мокрый снег вперемешку с дождем, мгновенно превратив окрестные улицы в студенистое серое болото, чтобы любому стало ясно — не суй нос на улицу. Залепит лицо ледяная слякоть, ветер вытолкнет прочь за околицу, в темную степь, или заморочит, закружит и столкнет с утеса прямо в беспоконную Волгу.

В такой вечер вдруг накатывает пустая, тревожная тоска, и хочется поближе к другим людям, туда, где шумно, где уютно трещит огонь, где прохлада запотевшего штофа и тепло женского тела успокоят сердце, растревоженное черной бурей.

Однако Лея Бронштейн смотрела на бурю сквозь двойное стекло своего будуара безо всякой тревоги, даже напротив, с некоторым торжеством. Публичный дом Леи (сама хозяйка предпочитала называть заведение на французский манер — бордель, хрипло грассируя букву «р») находился на окраине Энска, в соответствующем закону отдалении от ближайшей церкви, и являлся своеобразным форпостом на границе между каменным центром города и кособокими домишками рабочего квартала, растянувшегося вдоль реки. Здесь раскачивался последний газовый фонарь, здесь же заканчивалась мощеная дорога. По этой причине городовые, что несли свое дежурство на соседней улице, не любили заходить дальше заведения Бронштейн, опасаясь замарать сапоги в грязи, которая на местных улицах иной день доходила выше колена.

Вот и сегодня ненастье заварило ледяную кашу на дорогах, подводы с грузами стояли, окрестные мануфактуры работали вполсилы, а судоходство на Волге и вовсе прекратилось на две недели раньше в связи с непогодой. Теперь все крючники и водники, вдруг оставшиеся без работы с барышом в кармане, спешили в кабак, чтобы прогнать осеннюю сырость из костей, а оттуда, раскрасневшиеся и осмелевшие, прямоком в двухэтажный флигель под одиноким фонарем, где, строго прищурившись, их встречала Лея.

Хозяйка борделя в общении с посетителями проявляла некую смесь материнской заботы и строгости околоточного надзирателя, что, наверное, и было единственно верным решением, когда имеешь дело с подвыпившим рабочим человеком, буйным и кротким одновременно. Хаживали к Лее по большей части рабочие с мануфактур, как один одетые по погоде в темно-синие чуйки. Жилистые бородатые крючники из бедных мещан, весь сезон разгружавшие хлеб и прочие товары с волжских барж, тоже были частыми гостями. Хотя, бывало, захаживали и мелкие купчишки, и мещане побогаче, в жилетах с часовыми цепочками. Их хозяйка приветствовала особенно, переживая за репутацию заведения и собственную репутацию приличной дамы. Пусть городской лучше наблюдает таких посетителей, чем тех, по кому не разберешь — честный это человек или уголовник.

Всяческих мошенников, бродяг и людей смутных занятий в городе здорово прибавилось после большой выставки в Нижнем Новгороде. Выставка, как и любое многолюдное и денежное предприятие, привлекала, как магнитом, всяческий сброд, норовящий пожить на дармовщинку, стянуть что-то в суматохе или задурить голову честным гражданам. А когда выставка завершилась, многие из них так и осели в окрестных городах, промышляя иногда поденными работами,

а иногда кражами, разбоем и прочим лиходейством.

Они обитали в трактирах, на пристанях, на ярмарках и базарах, на темных ночных улицах рабочего квартала, везде, где витал запах наживы и безнаказанности. И всех их, будь они молодые или старые, одеты дорого или в обноски, трезвы или пьяны вдрабадан, объединяло одно — голодный и жадный блеск в глазах.

Вот и сейчас один из таких занимал номер на втором этаже. Хотя и одет он был по-городскому в модный костюм-тройку, но Лею Бронштейн не проведешь — сразу раскусила, что это за тип. Сюртук не сидит — явно с чужого плеча, под жилетом — косоворотка, и штаны в сапоги заправлены, а сапоги без галош! И взгляд все бегаёт, словно потерял чего. Наглый, как приказчик, а сам по себе то ли карточный шулер, то ли, наоборот, сыскной агент, ясно одно — добра от такого гостя не жди. И девочку выбрал, как назло, новенькую, неопытную.

Вера ещё весной устроилась на ткацкую мануфактуру, но дело не пошло, и девушка рассудительно решила, что не стоит гнуть спину с четырёх утра и до ночи за десять целковых в месяц, когда можно заработать целый рубль за один вечер, и это не считая подарков и угощений. Пусть даже из каждых пятидесяти заработанных копеек сорок самым обидным образом оседало в цепких пальцах доброй тети Леи, выгода была

очевидна. Да еще корсет, чулки, платья в подарок, граммофон, зеркала, обои и купидоны на стенах в салоне, да что тут говорить! Имя Вера взяла себе романтическое и роковое — Калерия, получила у полицмейстера желтый билет и уже две недели постигала нелегкое ремесло публичной женщины. Правда, нрава она была строптивого, но, как говорила многомудрая тетя Лея: «Не можешь кусать — не показывай зубы!» — и характер свой ей приходилось придерживать.

Лея еще раз посмотрела на улицу, где мокрый снег под косым углом лупил по крышам соседних зданий, взглянула на свой немалых размеров нос, отразившийся в оконном стекле, вздохнула, и приятные мысли о грядущем барыше окончательно покинули ее голову. Часы в салоне закрипели и издали громкий хриплый «Бом-м!».

— Уже пять минут просрочил, холера его возьми! Ведь чую же мое сердце! Ох-ох...

Хозяйка нахмурилась, воинственно закусила губу и, протиснувшись в дверь будуара, стремительно засеменила по коридору, переваливаясь, как утка, и продолжая бормотать:

— Вот бродяжная морда, тухес в шляпе, лихорадка ему в бок! Сразу, сразу! Сразу я все поняла про него!

Лея прокатилась через салон, и сидящие там в ожидании своей очереди двое бородатых под-

выпивших рабочих разом выпрямились, отложили чадающие папиросы и стащили картузы с голов:

— Доброго вечера, Лея Абрамовна!

Она повернулась в ответ, не останавливаясь, одарила их медовой улыбкой и заскрипела по лестнице на второй этаж, где располагалась комната Калерии.

— Сударь! Время вышло! Сударь?

Не дождавшись ответа, Лея приложила к двери ухо, отягощенное массивной рубиновой сережкой. Тишина. Подергала дверь — заперто изнутри. Она шумно выдохнула через нос и принялась долбить в дверь кулаком:

— Сударь! Тут вам не богадельня! Платите еще пятьдесят копеек или освобождайте комнату!

Прислушалась. Снова тишина. На сердце Леи Бронштейн легло дурное предчувствие. Немедля вспомнились недавние слухи про бесноватого, который появился в городе недавно, но уже успел обидеть нескольких девочек, которые работали тайно, без полицейского разрешения. Вспомнились бегающие глазки и грязные сапоги странного гостя. Лея замолотила в дверь с удвоенной силой:

— Калерия! Калерия! Верочка, девочка моя, ты в порядке? Открывай немедленно, душегуб! Не то я сейчас в свисток дуну — через минуту городской прибежит! С шашкой!

Насчет городского с шашкой — это был чистый блеф. Хозяйка борделя прекрасно знала — в такую погоду городской сидит в своей будке за три квартала отсюда, как сыч в дупле, и никакими калачами его оттуда не выманить. Но все же у нее были свои козыри в рукаве.

— Тихон! Тихон, милый! Пойди сюда! Да живее ты, дылда окаянная!

Из привратничкой высунулась косматая голова с виноватой улыбкой, а затем и сам Тихон целиком. Бывший красавец гренадер, Тихон заработал тяжелую контузию на войне с турками, при штурме Плевны и с тех пор слышал и говорил с трудом, а соображал и того хуже. Бездетная и рано овдовевшая Бронштейн вспылала к робкому великану материнской любовью, забрала его из трактира, где он работал полomoем, и поселила при борделе.

Тихон исполнял обязанности швейцара и по совместительству успокаивал всякую бузу, которая частенько случалась с перепившими или просто не слишком дальновидными гостями. Обычно одного вида его кулака размером с астраханскую дыню хватало, чтобы успокоить даже самого лихого забияку.

Здоровяк швейцар жестом осадил разволновавшихся рабочих, ожидавших в салоне, и, прихрамывая, поднялся на второй этаж. Осмотревшись, заметил хозяйкины брови, хмуро соединенные в одну, кулаки, упертые в бедра,

запертую дверь и сменил обычное благостное выражение лица на озабоченное. Он уже занес огромный сапожище, чтобы высадить дверь, так докучавшую хозяйке, когда та протестующе замахала руками:

— Стой! Куда ломать-то сразу? Дурак ты и есть! Подожди, тебе говорят!

Лея наклонилась к двери и закричала тоном максимально угрожающим, на какой была способна:

— Последний шанс тебе даю, язва тебя побери! Открывай дверь добром, или...

Тук! Тук! Тук!

Лея, подпрыгнув, отпрянула от двери. Стук, доносившийся из комнаты, был страшный, громкий и настойчивый, словно мертвец колотил из закрытого гроба. Остальные двери на этаже открылись одна за другой, и из-за них повысовывались головы любопытствующих.

Тук! Тук! Тук! Дзин-нь!

Стук повторился, закончившись звуком бьющегося стекла. Хозяйка побледнела и, вцепившись Тихону в рукав, затараторила визгливой скороговоркой:

— Ну что ты встал столбом, олух?! Вышибай эту дверь проклятую немедленно!

Тихон послушно мотнул головой, коротко ухнул и двинул пяткой в дверной замок. Дверь, брызнув щепками, распахнулась, и все вокруг заглушил истошный крик Леи Бронштейн.

Оконная рама, болтаясь под порывом ветра, еще раз издала троекратный стук, разбрасывая осколки стекла. На полу растеклась лужа мокрого снега, керосиновая лампа чуть светила, выхватывая из темноты туалетный столик, сверх всякой меры украшенный завитками и розами, разоренную постель, стул со сложенной одеждой и обнаженный труп Калерии, застывший на полу.

Она лежала, вытянув руки так, словно прыгала в реку с высокого утеса, полные груди разлеглись по сторонам, а волосы разметались, как у горгоны. Рядом, касаясь ее пяток своими, лежал труп шулера. Он вытянулся в такой же странной, принужденной позе, худой и бледный, и вместе они были словно две стрелки на чудовищном циферблате. Но никто не обратил внимания на открытое окно и странное положение трупов, все взгляды притягивало только одно — их головы, аккуратно отделенные от тел и повернутые под жутко симметричными углами, с зияющими кровавыми безднами вместо глаз.

Глава 1

Бесконечная ноябрьская ночь напознала на выстуженный Петербург. Тьма, изгнанная из города на лето, возвращалась, отыгрываясь за долгое свое отсутствие. Каналы набухли от мокрого снега, словно нездоровые темные вены, и вода норовила выплеснуться на камни мостовой, стремясь соприкоснуться с низким, тяжелым небом. В узком просвете между волнами и небом стеной валил густой мокрый снег. Мрак царил везде.

В последние годы Петербург стал еще мрачнее. Он расплзался во все стороны, перемалывая деревянные домики пригородов и покрываясь красно-кирпичными бубонами фабрик и заводов. Дым и смог смешались с болотным туманом, и теперь стало решительно невозможно рассмотреть, что ждет там, впереди.

И из этой мглы, неясный и неопознанный, темной машиной наступал новый век. Он еще плохо был различим, но уже уверенно и нагло сталкивал в бездну век предыдущий, и все ле-

тело в нее вверх тормашками под взрывы бомб террористов и рев моторов. А из тумана медленно возникали силуэты всадников, и к знакомым уже Голоду и Войне присоединился новый, на кумачовом коне, и имя этому невиданному всаднику — Революция...

— Иван Дмитриевич?

Будылин с трудом отвел взгляд от темного окна, за которым ветер бесшумно гнал волны по чернеющей Фонтанке. Мрачные, беспокойные мысли сами лезли в голову в такую погоду и покидать ее не хотели. Иван Дмитриевич Будылин работал в сыскной полиции с самого момента ее основания, и борьба со всяческим беспокойством, а также освещение различных мрачных углов человеческой жизни ярким фонарем правосудия стало для него за эти годы не только профессиональным призванием, но и самой его внутренней сутью. И сейчас, будучи уже начальником всего петербургского уголовного сыска, он проливал свет на человеческую натуру на срочном докладе перед двумя важнейшими людьми Петербурга — градоначальником и министром внутренних дел.

— Иван Дмитриевич? Вы упомянули об участившихся случаях душевного помешательства. Потрудитесь объяснить нам с Виктором Вильгельмовичем поподробнее, о чем конкретно идет речь?

Министр, хозяин кабинета в здании у Чернышева моста, в котором и проходила встреча, с лег-